

М.В. Бавуу-Сюрюн, У. Цецегдарь, Х. Гансух, Б. Баярсайхан
Тывинский государственный университет, Кызыл

К вопросу о классификации диалектов тувинского языка

Аннотация: Современные диалекты следует считать территориально-этническими. Этническими признаками признаются наличие или отсутствие фарингализованных гласных, наличие назализованного *й*. Диалектные черты тувинского языка формировались пластами, а также в результате маргинальных контактов.

The modern dialects follow to consider territorial-ethnics. The Ethnic sign confess presence or absence pharyngeal vowels, presence nasalized by *j*. Dialectal line of the tuvianian language were formed layer, as well as as a result areal contact.

Ключевые слова: территориально-этнические диалекты, дифференциальные признаки, маргинальные контакты, субстрат.

Territorial-ethnic dialects, differential signs, areal contacts, substratum.

ББК: 81.2P54.

Контактная информация: Кызыл, ул. Ленина, 34. Тывинский государственный университет, кафедра тувинского и общего языкознания. Тел. (39422) 54166. E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru.

Известно, что диалекты тувинского языка классифицированы по территориальному принципу, поэтому они в научной литературе имеют соответствующие названия с указанием их расположения на территории Республики Тыва: центральный, юго-восточный, северо-восточный, западный; либо с указанием конкретных территорий: тоджинский, кунгуртугский диалекты, тандынский говор, бай-тайгинский говор и т.п. Н.А. Баскаков выделил центральный, западный, северо-восточный, юго-восточный диалекты тувинского языка и каа-хемский говор [Баскаков, 1964, с. 14]. В своей статье «О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка» А.А. Пальмбах выделяет следующие диалекты: 1) среднетувинский (Дзун-Хемчик, Чаа-Холь и др.), 2) западный (Барун-Хемчик, Бай-Тайга), 3) восточный (Каа-Хем, Тес-Хем и др.), относя к нему и территорию Тоджи. Автор признает, что возможен пересмотр и уточнения предложенной им классификации по мере изучения диалектов тувинского языка [Пальмбах, 1968, с. 232]. Классификацию Н.А. Баскакова с уточненными дифференциальными признаками на основе анализа данных, накопленных к 1970 – 1980 годам многочисленными диалектологическими экспедициями, использовал Ш.Ч. Сат в своем учебнике для вуза «Тыва диалектология» [Сат, 1987, с. 24–26]. Хотя работа названа учебником, она во многом может претендовать на статус научного труда, как и другие учебники Ш.Ч. Сата, и она в настоящее время является единственной обобщающей работой по диалектологии тувинского языка. В отличие от других авторов, Ш.Ч. Сат включил в качестве отдельного диалекта язык тувинцев, проживающих вне пределов Республики Тыва, а также России, конкретно – в северо-западной Монголии.

В настоящее время известно, что вне пределов России тувинцы компактно проживают в Синцзянь-Уйгурском автономном округе Китая, в сумоне Цэнгэл

Баян-Ульгийского, сумоне Буянт Кобдоского, сумоне Цагааннур Хубсугульского и сумоне Заамар Центрального аймаков (переселенцы из сумона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака) Монголии.

Речь тувинцев Северо-Западной Монголии (сумонов Цэнгэл и Буянт) в работе Ш.Ч. Сата не входит в общую предложенную им классификацию диалектов распространенных на территории Республики Тыва, хотя он считал ее особым диалектом. Автор лишь упоминает о тувинцах Хубсугула (Цагааннура), но нет никаких сведений о тувинцах Китая. Отмечено, что в Завханском аймаке Монголии также компактно проживают тувинцы [Сат, 1987, с. 26]. Думается, что причин здесь несколько и они тесно взаимосвязаны. С одной стороны, речь тувинцев Монголии и Китая ко времени написания работы Ш.Ч. Сата еще не была объектом обстоятельного исследования (до сих пор нет полного описания речи тувинцев Цагааннура и Китая), поэтому определить их место в данной системе не представлялось возможным. До сих пор нет никаких сведений о тувинцах Завхана. Возможно, речь шла о племени даргат. А с другой стороны, те немногие работы, вышедшие к этому времени [Аранчын, 1975; Монгуш, 1983], показывали, что особенности языка тувинцев северо-западной Монголии (Цэнгэла и Кобдо) настолько разительны, что не было никакого сомнения в их оценке как отдельного диалекта.

К тому же территориально места проживания этнических групп тувинцев Монголии значительно отдалены друг от друга и имеют разный ландшафт: высокогорье Цэнгэла, степи и полупустыни Кобдо, таежные просторы Хубсугула. Соответственно отличается и тип хозяйствования: тувинцы Хубсугула (Цагааннура) – оленеводы и охотники, остальные – скотоводы, что дает почву предположениям о наличии большой разницы в их речи. Тем более что традиционно тувинский язык характеризуется как язык с небольшими диалектными отличиями [Языки РФ, 2005, с. 119], и в эту картину никак не вписывался язык тувинцев, проживающих за пределами России. Поэтому мы считаем, что Ш.Ч. Сат отнесся к вопросу о месте речи тувинцев северо-западной Монголии в системе диалектов и говоров тувинского языка весьма осторожно и оставил вопрос открытым.

Несмотря на интенсивные исследования диалектов тувинского языка [Доржу, 2002; Дамбыра, 2003; Куулар, 2003; Серен, 2006; и др.], до сих пор их классификация остается незавершенной. Для полного представления системы диалектов и говоров тувинского языка, необходимо ускорить работу по изучению зарубежных диалектов тувинского языка и следует вернуться к вопросам выделения наиболее релевантных дифференциальных признаков диалектов и их говоров.

В этом отношении заслуживает внимания работа З.Б. Чадамба «Тоджинский диалект тувинского языка», где автор, опираясь в основном на фонетические признаки, выделяет *центральный диалект* с двумя говорами: центральным и западным, *тоджинский* с речным и таежными говорами, *зону переходных говоров*, выделяя по сути 3 диалектные зоны. Отсутствие *ж*, произношение *дь*, *й* вместо лит. *ч*; наличие назализованного варианта фонемы *й* и особой *интонации* выделены как дифференциальные признаки тоджинского диалекта [Чадамба, 1974, с. 13–15]. Автор также обращает внимание на речь населения местности Тере-Холь, которая заметно отличается от других говоров и диалектов тувинского языка отсутствием фарингализации, но тем не менее данная территория у З.Б. Чадамба не получает статуса отдельного диалекта. Считаем, что З.Б. Чадамба верно выделила наиболее характерные фонетические черты диалектных зон. Спустя почти 30 лет П.С. Серен выделила отдельно тере-хольский диалект [Серен, 2006].

Авторы других работ, посвященных отдельным диалектам и говорам [Доржу, 2002; Куулар, 2003], в основном уточняли и дополняли классификацию Ш.Ч. Сата.

Таким образом, краткий обзор работ по тувинской диалектологии показывает, что практически все авторы придерживаются территориального принципа классификации диалектов современного тувинского языка. Взгляды расходятся лишь при определении границ, количества диалектов.

Наиболее распространенным в современном тувинском языкознании является точка зрения, согласно которой выделяется 5 диалектных зон: тоджинский (северо-восточный – по некоторым работам), юго-восточный (по некоторым работам – эрзинский, куда входит тере-хольский), центральный, западный диалекты, два смешанных говора: каа-хемский и тандинский [Пальмбаха, 1968, с. 232; Сат, 1987, с. 25–26], а также зарубежные диалекты.

Как бы не назывались диалекты тувинского языка, в них основными дифференциальными признаками в области фонетики являются: в тоджинском диалекте – произношение *й* вместо лит. *ч*, наличие носового *й* [Пальмбаха, 1968; Чадамба, 1974; Сат, 1987; и др.]; в тере-хольском диалекте – отсутствие фарингализованных гласных, наличие интервокальных сильных придыхательных согласных [Кунаа, 1958, с. 6–7; Пальмбаха, 1968, с. 232; Мартан-оол, 1986, с. 19–20; Сат, 1987, с. 25–26; и др.].

Как показывают наши экспедиционные материалы последних 10 лет, именно этнические группы являются носителями некоторых наиболее релевантных диалектных черт, которые легли в основу классификационных признаков диалектов тувинского языка, что мы и пытались раскрыть в настоящей работе. Имеющийся в публикациях материал нами дополнен новыми данными, собранными во время экспедиций по Северо-Западной Монголии и Туве, начиная с 1990 г. Мы, к сожалению, не располагаем данными о речи тувинцев Цагааннура и Китая.

На данном этапе исследования мы пока не рассматриваем тувинскую речь кёкмунчаков Китая. Есть небольшая статья Э.Р. Тенишева «Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна», где сказано, что «в языке кёкмунчаков в отличие литературного языка и диалектов отсутствует ряд фарингализованных гласных» [Тенишев, 2006, с. 186]. Прямо противоположное утверждение имеется в работе М. Мартан-оол [Мартан-оол, 1986, с. 21]. К великому сожалению, записи, сделанные предыдущими авторами, мы не можем полностью принять во внимание в силу того, что 1) многие исследователи, в том числе известный исследователь тувинского языка, хакас по национальности Н.Ф. Катанов, будучи не носителями языка, в течение многих лет «не слышали» фарингализацию; 2) исследования проводились слуховым методом; эти гласные могли быть слабо выраженными, по сравнению с литературным тувинским языком. О подобном явлении в юго-восточном диалекте писали Е.М. Куулар [Куулар, 2003, с. 16–20], П.С. Серен [Серен, 2006, с. 27–28]; 3) произношение кратких гласных вместо фарингализованных в отдельных словах (например, [ыг] ‘собака’) нами отмечено у некоторых жителей Ценгела, что не исключает наличия подобных гласных в указанном диалекте; 4) орфография, принятая в опубликованных работах, без транскрипции не позволяет адекватно передавать все фонетические особенности речи носителей диалекта.

Наиболее интересным и спорным, на наш взгляд, является юго-восточный диалект (ЮВД) тувинского языка, который охватывает Кунгуртугский, Эрзинский, Тес-Хемский кожууны Республики Тыва. В области фонетики его основными дифференциальными признаками признаны отсутствие фарингализованных гласных, наличие сильных придыхательных согласных во всех позициях, особенно в интервокальном положении. Именно эти признаки наравне с другими, позволили П.С. Серен в своей работе «Тере-Хольский диалект тувинского языка» доказать особый статус речи жителей Кунгуртугского кожууна, придав ему ранг отдельного диалекта тувинского языка [Серен, 2006]. На наш взгляд, позиция автора верна. Действительно, указанные фонетические особенности ярко выражены в речи жителей Кунгуртуга (Тере-Холя), отчасти сумонов Качык и Нарын Эрзин-

ского кожууна, а для остальной части – части Эрзинского и полностью Тес-Хемскому кожууну – и вовсе не характерны. Из грамматических особенностей древняя форма условного наклонения =са сохраняется в речи жителей Тере-Холя. В области лексических особенностей больше всего монголизмов исследователи фиксируют именно в эрзинском и качикском подговорах [Куулар, 2003, с. 16–20], их значительно меньше в речи жителей Кунгуртуга (Тере-Холя), но в то же время данный ареал отличается лексическими диалектизмами (обилием названий растений, диких животных, птиц, рыболовной лексики), не фиксируемых в других диалектах и говорах. Таким образом, трудно согласиться с исследователями, которые выделяют отдельно юго-восточный диалект, куда входят говоры со значительными различиями, скорее в них трудно найти интегральные признаки данного диалекта или диалектной зоны.

Многие фонетические особенности речи, в том числе отсутствие фарингализации, жителей юго-восточной Тувы, А.Ч. Кунаа считал результатом влияния монгольского языка, эту же точку зрения поддерживают Е.М. Куулар [Кунаа, 1958, с. 7–8; Куулар, 2003, с. 6–7]. П.С. Серен однако подчеркивает, что отсутствие фарингализации исконно характерная черта речи жителей Кунгуртуга, не поддававшаяся никакому изменению [Серен, 2006, с. 27].

Итак, если предположить, что отсутствие фарингализованных гласных и наличие сильных придыхательных согласных в интервокальном положении в диалектах тувинского языка обусловлены влиянием монгольского языка, (точнее – что они обнаруживаются у тувинцев, владеющих монгольским языком, или под влиянием монгольского языка [Кунаа, 1958, с. 7–8; Куулар, 2003, с. 6–7]), то такие же явления мы должны были фиксировать у тувинцев, проживающих в Северо-Западной Монголии. Но на самом деле, во-первых, в речи тувинцев Кобдо и Цэнгэла мы фиксировали фарингализованные гласные, которые иногда в потоке речи слабо выражены, по сравнению с литературным тувинским языком; во-вторых, заметно отсутствие или спорадическое проявление интервокальных сильных придыхательных согласных. Таким образом, те диалекты и говоры тувинского языка, которые должны испытывать сильное влияние монгольского языка в силу географического положения, показывают отличительные друг от друга фонетические особенности.

Обращает на себя внимание тот факт, что ритмомелодика тувинской речи жителей Цэнгэла и Тере-Холя сильно отличается друг от друга. Надо также отметить, что речь носителей тоджинского диалекта также характеризуется своеобразной ритмомелодикой, отличной от других диалектов и литературного языка. В связи с отсутствием исследований по ритмомелодике, как самого литературного языка, так и его диалектов, мы не имеем возможности делать их сравнительный анализ; и наши полевые материалы только подтверждают заметки предыдущих исследователей об особой, не повторяющейся ритмомелодике речи коренных жителей Тоджи, Цэнгэла и Тере-Холя. Считаем, что ритмомелодика, как наиболее специфическая черта диалектной речи, должна стать объектом внимания фонетиков и обязательно должна быть в ряду основных дифференциальных признаков диалектов тувинского языка. Возможно, особая ритмомелодика связана с употреблением модальных частиц.

Во время последних экспедиций мы стали особое внимание обращать на этническую принадлежность информантов и отслеживать ареалы распространения релевантных черт диалектов и говоров. Таким образом, было обнаружено, что в тувинской речи не у всех носителей ЮВД, владеющих монгольским языком, наблюдаются типичные диалектные явления: отсутствие фарингализованных гласных и наличие сильных придыхательных согласных в интервокальном положении, как отмечалось в ранее опубликованных работах [Кунаа, 1958, с. 7–8; Куулар, 2003, с. 6–7].

В ходе работы с информантами нам становилось ясным, что больше всего носителей ярко выраженной диалектной речи на территории сумонов Качык, Нарын, значительно меньше в Булун-Бажы и Эрзине, а в населенных пунктах Морен и Бай-Даг таких носителей практически нет. Было бы верным утверждать, что у тувинцев, принадлежащих родо-племенной группе *кыргыс*, проживающих в Кунгуртуге, Качыке, отчасти в Нарыне, а также *чооду* в Качыке и Нарыне, больше всего наблюдались характерное произношение. Хотя в речи у *кыргысов* Морена уже слышалась фарингализация. И когда один из информантов нам сообщил, что *эрзинские кыргысы* были в свое время депортированы из Улуг-Хема, стало ясно, почему одни *кыргысы* произносят фарингальные гласные, а другие – нет. *Улуг-хемские кыргысы* являются носителями фонетических признаков центрального диалекта, а кунгуртугские (тере-хольские) – ЮВД.

Кроме того, мы принимали во внимание тот факт, что многие информанты четко указывали традиционные места проживания этнических групп. Соян – на территории современного села Ак-Эрик с прилегающими территориями до горы Хайыракан. К югу от горы Биче Хайыракан по правому течению реки Тес-Хем до государственной границы с центром село Бай-Даг, проживали и проживают в основном *иргиты*. На территории современных сумонов Морен, Эрзин – *кыргысы*, а Качык и Нарын – *даргаты*, *чооду*, сумона Кунгуртуг – *тере-хольские*, *балыктыгские кыргысы*. Мы также выявили, что различают *таежных и равнинных кыргысов*. Причем сами носители говоров четко различают особенности речи тех или иных этнических групп. Таким образом, становилось совершенно очевидным, что диалекты и говоры тувинского языка имеют также этническую основу. Кстати сказать, в свете новых исследований по ЮВД необходимо пересмотреть границы диалекта и его основных дифференциальных и интегральных признаков.

Следующим доказательством этнической основы диалектов в фонемном ряду является фонема *й*, имеющей чистый и назализованный оттенок, а также звуковое соответствие *ч ~ й, дь*, зафиксированное в тоджинском диалекте. Например, диал. *дьаңгыс, йаңгыс* ~ лит. *чаңгыс* ‘один’. В современной Тодже только коренные жители, принадлежащие родам *кол, ак, бараан, хөйүк*, являются носителями диалектной речи. Они в основном занимаются оленеводством, охотой, иногда – рыболовством, поэтому живут в отдаленных таежных пастбищах или поселках, и в районном центре в селе Доора-Хем сейчас очень проблематично найти носителей диалектной речи – коренных тоджинцев. Пришлое население из числа тувинцев (их на Тодже коренные жители называют *хемчиктер* ‘хемчики, жители Хемчика’), как правило, усваивают лексические диалектизмы, редко – грамматические диалектизмы и интонацию коренных жителей. Речь тоджинцев заметно отличается от речи жителей Тере-Холя по ряду фонетических признаков.

Принимая во внимание гипотезу В.М. Надеяева о принадлежности артикуляционно-акустической базы (ААБ) этносу, а не языку [Надеяев, 1980, с. 6], фонетические явления, легшие в основу классификационных признаков тоджинского, юго-восточного диалектов, можно оценивать как этнические, так как именно определенные родо-племенные группы современных тувинцев являются носителями наиболее релевантных фонетических особенностей этих диалектов тувинского языка. В пользу этого предположения можно привести такие доводы: 1) границы диалектов и говоров совпадают с традиционными границами мест проживания этнических групп; 2) пришлое население данных территорий хорошо усваивает лишь грамматические, лексические диалектизмы, ритмомелодику и те фонетические соответствия, которые не обусловлены особой артикуляцией звуков; 3) меняя традиционные места проживания, освоив литературные нормы языка в области грамматики и лексики, носители диалекта в основном сохраняют характерное диалектное произношение.

На основе анализа фонетических особенностей диалектов и говоров современного тувинского языка, можно предположить, что основными диалектными

чертами тувинский язык обязан тем языкам, на которые лег тюркский язык. Одним из них, как считают исследователи, был язык чиков, а их оторечили уйгуры [Наделяев, 1986, с. 62–63; Бичелдей, 2001, с. 19–20]. Мы можем только предложить в качестве дополнения и уточнения, что основу речи жителей центральной Тувы и тувинцев Северо-Западной Монголии (возможно Китайского Алтая) составлял какой-то единый язык, потому что в фонетическом плане язык тувинцев, проживающих в указанных территориях, более однороден и в плане ритмомелодики; имеет незначительные различия, выражающиеся в звуковых соответствиях *э~и, б~м* и т.п. Возможно эту территорию и занимали древние чики. А в основе речи жителей Тоджи и Тере-Холя по отдельности лежат языки уже других этносов.

В дальнейшем развитие диалектных черт шло уже территориально. Например, на современном этапе развития язык тувинцев Северо-Западной Монголии представляют собой разные говоры одного диалекта. Условно мы их пока называем речь центральные тувинцев (далее – ЦТ), речь кобдоских тувинцев (далее – КТ). В силу территориальных особенностей речь ЦТ испытывает сильное влияние монгольского и казахского языков. Это особенно заметно на лексическом уровне, где значительно количество монголизмов и заимствований из казахского языка: *касе* ‘чаша железная с ручкой’, *ханар* ‘мешок’, *казир* ‘сейчас’, *аударма* ‘казахский национальный сапог’, *айтеу* ‘каким-то образом’. Говоры имеют различия и на грамматическом уровне: если ЦТ употребляют аффикс *-к* при обозначении первого лица множественного числа прошедшего времени на *-ды*, то у КТ отмечается аффикс *-выс*, как в литературном языке; не отмечается также аффикс причастия на *-мыш*, который у ЦТ употребляется со вспомогательным глаголом *бол-* в довольно специфической определительной конструкции *башкы болмуш чиве* ‘тот, кто выдает себя за учителя’ передает значение «тот, кто (якобы) выдающий себя за ...». В говорах различно также употребление форм условного наклонения: у ЦТ аффикс условного наклонения имеет два варианта *-са//се* вместо 8-и внутренних (*-сы//си, -су//су, -зы//зи, -зу//зу*) и 4-х внешних в литературном (*-са//се, -за//зе*), к которому присоединяется аффикс соответствующего лица: *кел=се=м* ‘если приду’, *тут=са=м* ‘если возьму’ сравни с лит.: *кел=зи=м=зе, тут=су=м=за*. Первая часть сложного аффикса условного наклонения у КТ начинается с *д* вместо *з*, вторая часть также имеет два варианта *-са//се*: *кел=ди=м=се* ‘если приду’, *бар=ды=м=са* ‘если пойду’ [Цецегдарь, 1999, с. 215]. Причем у ТЦ первое лицо множественного числа может выражаться двумя аффиксами: *=к* и *=выс*. Образование формы условного наклонения в литературном языке и в речи ЦТ, КТ представляем в таблице.

	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Лит.	=зы=м=з а	-зы=ң=за	=за	=зы=выс=СА	=зы=ңар=за	=за
ТКобдо	=ды=м=с а	=ды=ң=са	=са	-ды=выс=са	=ды=гар=с а	=са
ТЦен-гела	=са=м	=са=ң	=са	=са=к // =са=выс	=са=гар	=са

Маргинальные контакты с монголоязычными племенами обусловили появление переднеязычного *э* и среднерядного *у* в речи ТК, ТЦ; они чаще всего наблюдаются в монголизмах в определенных позициях: *амыдырал* ‘жизнь’, *аңгы* ‘отдельный’, *наадым* ‘праздник’, и очень редко в общетюркских словах: *уш*

'три'. Такое же явление отмечено у части монголоязычных жителей Эрзина [Куулар, 2003, с. 8–9].

Географически центральные тувинцы могли иметь маргинальные контакты с уйгурами, этническими группами алтайцев. Тувинцы Кобдо – прямые выходцы из Синьцзяна (о чем сообщали наши информанты), где вполне могли иметь или имеют прямые контакты. В пользу маргинальных контактов говорят лексические диалектизмы в речи ЦТ и КТ: *шишвга* 'арбуз' (китайск. ши го) // *кавын* 'арбуз', *теңгаа* 'дыня', *элма* 'яблоко'.

Поэтому в дифференциальных признаках диалектов тувинского языка можно выделить несколько пластов: черты, сохранившиеся от языков-основ (по предположению Вернера – енисейского, а В.М. Надеяева – чикского, с которым связана фарингализация), затем от древнеуйгурского, последнее – от монгольского языков и его диалектов.

Таким образом, можно заключить, что современные диалекты и говоры тувинского языка имеют как этническую, так и территориальную основу, формировались пластами, и на современном этапе их можно считать территориально-этническими. Вопрос о классификации диалектов и говоров тувинского языка остается открытым.

Литература

Аранчин Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVII. Кызыл, 1975. С. 212–218.

Баскаков Н.А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М., 1964.

Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. М., 2001.

Вернер Г.К. Проблема происхождения фарингализации в тувинском и толарском языках // Советская тюркология. № 5. 1972. С. 17–24.

Дамбыра И.Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003.

Доржу М.Д. Бай-Тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. Кызыл, 2002.

Кунаа А.Ч. Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958.

Куулар Е.М. Основные характеристики тувинской речи жителей юго-восточной части Тувы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Надеяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 6.

Надеяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 53–63.

Марган-оол М.Б. Фонетические особенности тувинского языка в ареальном освещении (Южная Сибирь): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С. 127–145.

Пальмбаха А.А. О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIII. Кызыл, 1968. С. 232–235.

Сат Ш.Ч. Тыва диалектология. Кызыл, 1987.

Серен П.С. Тере-хольский диалект тувинского языка. Абакан, 2006.

Тенишев Э.Р. Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна // Тенишев Э.Р. Избранные труды: В 2 кн. Кн. 2. Уфа, 2006. С. 186–189.

Цецегдарь У. Морфологические и морфонологические особенности речи ховдинских тувинцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов IV Международной научной конференции. Томск, 1999. С. 215.

Чадамба З.Б. Годжинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия: В 3 т. М., 2005. Т. 3.